

Dalle C.

22/17-90

23 января 1989 года в возрасте 84 лет скончался один из гениев искусства XX в. Сальвадор Дали. Сей мир оставил человек, чьи работы все более входят в жизнь человечества.

Нас, участников проходившего в 1988 году в Гватемале 79-го Межпарламентского конгресса, любезно пригласили на первую в этой центральноамериканской стране выставку творчества Сальвадора Дали. Экспозиция была скромной: несколько акварелей, графических работ и несколько десятков факсимиле живописных картин. Однако замысел выставки был весьма значительным. Президент республики, несмотря на протест влиятельных военных, лично шефствовал над выставкой. Ему хотелось показать, что и его страна идет по пути цивилизации, прогресса и демократии.

В том же году и почти одновременно на другой стороне земного шара, в Москве, в Музее имени А. С. Пушкина, действовала другая выставка графических работ С. Дали. Тоже первая в стране... Не тот самый ли замысел имели в виду ее устроители?

Как тут не вспомнить знаменитую картину-метафору мастера «Постоянство памяти» (1931 г.). На фоне холодного, жуткого пейзажа к твердой поверхности прислали мягкие расплавленные часы. Кто знает, что хотел этим сказать великий сюрреалист? Возвестить с присущей ему верой, что, независимо от того, в каком полушарии планеты отсчитывает свои часы время, оно навеки «сплавлено» с его личностью и творчеством?

«Сплавлено» с нами всеми, с историческим процессом? Показать, что на свете существуют вещи гораздо более прочные, постоянные, чем бег неумолимого времени, что оно — лишь слуга нашей воли? Наконец, легче всего сказать, что истинный художник не удовлетворяется достигнутым, стремится идти дальше, обогнать век и себя.

В 1972 году, вернувшись из франкистской еще Испании, где выдалась возможность познакомиться с ее старинным и современным искусством, я на одном дыхании написал статью о Пабло Пикассо и Сальвадоре Дали. Рассказывая тогда об этих двух испанцах-французах, я еще не видел созданного в 1947 году С. Дали сюрреалистического бюста

П. Пикассо. Нельзя сказать, что он вызывает восхищение: обвисшая женская грудь, невиданные языки и проч. Я не знал о том, что автор wollte сделать большую фотографию бюста, где его лицо соединилось бы с лицом модели. Может, под воздействием контрастной и вместе с тем гармонической культурной среды Испании или живых, красочных, встречающихся на каждом шагу обычай я почувствовал лишь, что Пикассо и Дали в чем-то глубоко едины. Они составляют национальное, человеческое единство эстетических противоположностей. Две стороны художественного лица столетия.

Как тогда, так и сейчас я утверждаю, что основа и всего сюрреализма, и искусства С. Дали — на земле, в человеческих взаимоотношениях. Но как добиться того, чтобы мы хоть отчасти воспринимали землю и человека так, как их воспринимает художник? Вот сюда, вокруг которой продолжаются серьезные конфликты и анекдотические ситуации, когда речь заходит об интерпретации и понимании творчества С. Дали, его жизни. Их искусно плел сам художник: «Наш идеал — добиться яркости искусства безумных, не становясь, однако, ими».

Один из таких конфликтов, продолжающихся и даже усилившихся сейчас, после смерти великого сюрреалиста, — отрыв его личности от творчества. Точнее говоря, затенение творчества экстравагантностью личности. Хотя это вряд ли со-поставимые вещи, но С. Дали пока что постигает при мерно то же, что постигло А. Жмайдзинавичуса. Коллекция чертей литовского художника отнесли на второй план его картины. Познакомившись несколько шире с последними публикациями, посвященными С. Дали, направляется печальный вывод: мы не слишком продвинулись в понимании его творчества. Раньше нам препятствовали в этом идеологические предрассудки, оговорки соцреализма, установка «гromoотводов». Отчасти это и облегчало дело, так как позволяло скользить по поверхности явления. Увы, сейчас наблюдается почти то же самое. С. Дали — неординарная личность — подчас держит в тени С. Дали — сложного и многогранного творца.

После его смерти эта тенденция даже усилилась.

Все проблемы связываются с личностью С. Дали, а не с его творчеством. По своей воле в 1982 году, после смерти жены, он навсегда затворился в замке Фигуерас — театре-музее? Действительно таки журнал «Шпигель» снимок с похорон С. Дали подписал так: «Выжидающие шакалы».

Чем дальше будет идти время, чем скорее мы освободимся от предвзятых схем,

донн с лицом жены, костлявый жираф помогли понять, что атомный век столкнул Человека и Землю на край пропасти... Нет, не галлюцинации, сны и параноидальные видения, хоть всеми

мертвой и унифицированной, виртуозная техника живописи — манерной, салонной. В свое время она казалась такой и многим из нас, отрицавшим казенную академичность. Мы предполагаемое и неочертанное. Композицию венчает разлагающаяся, искаженная болью уродливая голова. Все это переплетено характерным для художника сочетанием мягкого — твердого.

Согласен, картина захватывает дух, вселяет ужас, заставляет отойти в сторону. Но возвращают вновь и надолго приковывают к себе. Навсегда врезается в память. Как братоубийственные гражданские войны. Как раны и слезы национальной Голгофы. В разгар испанской гражданской войны С. Дали создал еще более жесткую картину такого плана «Осенний каннибализм» (1936—1937). Здесь человек человека уничтожает постепенно, смакуя...

Великое явление в искусстве тем и велико, что в нем — весь спектр человеческого бытия. По моему мнению, в этих и им подобных картинах во всей наготе раскрывается всепожирающая ненависть. Разрастающаяся, достигающая колоссальных размеров тогда, когда привычная жизнь рушится, поступаты будничности уходят в небытие. Когда все начинает разлагаться. Когда людские души охватывают фальшив, страх, зависть. Тогда слепая ненависть рождает ненависть, а картины С. Дали ожидают становятся реальностью. Где они очень моральны и даже дидактичны: куда ты идешь, Человек?

Углубление в наболевшие проблемы, катаклизмы, естественно, не могли не привести художника, и без того склонного к мистике, к идее универсальности, поиску абсолютной истины, к религиозной тематике. Естественно и то, что о фундаментальных сторонах бытия в работах религиозного характера он говорит иначе, не столь сурово. Я бы сказал, интимно и с надеждой. Две живописных полотна, две художественные интерпретации распятого Христа.

Знаменитая картина «Предчувствие гражданской войны» (1936) была создана за полгода до начала гражданской войны в Испании.

На фоне красноватых скал и пробивающейся сквозь мертвые тучи глубокой синевы неба висит либо едва стоит на деревянном ящике загадочная конструкция из частей человеческого тела. На переднем плане гниющая грубая и когтистая рука «дома» окровавленную женскую грудь. Другая не то нога давит на нечто тоже человеческое, хруп-

кое, сформированного религиозной концепцией и атомной физикой?

Окончательное решение выбирает человек. Бог, вера — участники его существования и судьбы. Таким мог бы быть один из смыслов религиозных композиций С. Дали. В 1955 году он создал очень прозрачную, теплую композицию «Последняя вечеря». Здесь видение и мышление художника утверждают обновление, возрождение, искупление. И, конечно, предательство. Во всяком случае простую и понятную иллюзию всего этого. Певец оливкового дерева, прошедший своим отрицающим творчеством сквозь преисподнюю и чистилище человеческих слабостей, вернулся к утверждению крепости духа. К глубинным связям добра, красоты, верности. Его последняя работа — светлая акварель с несколькими начертанными неверной рукой дрожащими штрихами и мазками. И рядом с ней — сфотографированный в белом кресле и в белой одежде С. Дали. Наполненное той склонностью к утверждению крепости духа.

Масштаб творчества Сальвадора Дали поистине грандиозен. Работоспособность — фантастическая, универсальность — нескончаемая. Живописец и график, писатель и режиссер, сценарист и либреттист, актер и дизайнер. И все-таки главное место в его творчестве отведено живописи. Тем 1000 с лишним картинам, из которых около 200 находятся в «Театре-музее Дали» в Фигуерас. Остальные — в лучших галереях мира, частных коллекциях. Целый мир Сальвадора Дали! Взятая отдельно от этого мира, картина иногда может быть совершенно непонятной, осуждаемой многими. Эстетический вкус далеко не каждого человека может смириться с изображением красивого мальчика, вцепившегося белыми зубами в окровавленную длиннохвостую крысу. С кровавыми, выплеснутыми словно из крема для торта, розами, на обнаженном животе женщины. И совершенно иной смысл — смысл репродуктора или экспликатора агонии мира, системы, человека — обретают эти мотивы во всем контексте мира С. Дали. Они становятся производными. Что и говорить, мы только начали прикасаться к этому необъятному миру. Прикоснувшись, станем мудрее.

Л. ШЕПЕТИС

МИР ДАЛИ

Литургия Рима - Вильнюса.
1990. - 22 февр. - с. 4.

Сальвадор Дали.

«Христос св. Иоанна на кресте». (1951 г.).